

УДК 811.161.1

*А.В. Флоря***СОВРЕМЕННЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ С СУФФИКСОМ -ЩИН-**

Предмет данной статьи – потенциальные слова, образованные в недавнее время при помощи суффикса -щин-. Общеизвестно, что они обладают негативной коннотацией и связаны преимущественно с общественно-политическими контекстами. Данная модель активизировалась после советской эпохи. Особенности таких слов в современный период следующие: они сохраняют типический и обобщающий характер, но он ослабляется из-за их чрезмерной распространенности; такие слова превращаются в стереотипы; в них выражается скорее массовое раздражение граждан, чем подлинный интерес к социальным проблемам.

Ключевые слова: словообразование, потенциализм, суффикс -щин-, экспрессивность, антропоним, коннотация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-466-473

“Щина” – это вам не “изм”. Достоевщина, есенинщина, сталинщина радикально отличаются от байронизма, гитлеризма или ницшеанства. История этого суффикса могла бы составить примечательную главу в истории русской духовной культуры.

Юрий Буйда. Щина

В своей статье мы рассмотрим неологизмы, образованные в последние 40 лет по продуктивной модели с суффиксом -щин-. В качестве неологизмов они относятся к потенциализмам, т. е. легко образуются при необходимости и также легко забываются при изменении историко-культурных условий, при исчезновении органичных для них контекстов, обычно не включаются в толковые словари (если, конечно, не входят в язык) и создаются разными людьми независимо друг от друга. То есть у слова *обломовщина* есть номинальный автор. Его придумал И.А. Гончаров, подхватили Н.А. Добролюбов и А.В. Дружинин (заслуга первого больше, потому что он исследовал феномен обломовщины и вынес это слово в заглавие своей статьи). Но создать такое слово мог бы почти кто угодно, зная фамилию Обломов.

Постепенно таких слов становилось всё больше, и они имели два устойчивых смысла – типичность и отрицательную коннотацию.

Образно и весьма иронически об этом пишет Ю. Буйда: «Когда суффикс “щин” – эта жутковатая ведьмина метла – сопровождал “пугачевщину” или “бироновщину”, это одно дело, но когда “щинили” культуру, тем самым низводя ее до явлений иного рода и порядка, преображая наконец в нечто, ничего общего с культурой не имеющее, – тут вылезало что-то дьявольское, причем вылезало усилиями власти и безвольного общества (...) В России удостоиться “щины” равнозначно сопричислению лику демонов» [1]. Это сказано очень экспрессивно и не очень справедливо. Степень выраженности негативной коннотации зависит от основного смысла, заложенного в имени (или просто в корне, если это не антропоним). Конечно, *чуковщина* более безобидна, чем *ежовщина*, и в отличие от последней, не «равнозначна сопричислению лику демонов».

В дореволюционный период такие слова означали народные движения, бунты, восстания по имени их предводителей: *хованщина*, *разинщина*, *пугачевщина*, позже, наверное, *махновщина*. Слово *улялаевщина* – заглавие поэмы И. Сельвинского – в том же ряду («И уже расплывались Пугачев и Разин / Под улялаевщины гул»). Другая типичная семантика – режимы реакционных правителей: *аракчеевщина* или упомянутая *бироновщина*. (Если брать не антропонимы, то наиболее известный пример – *семибоярщина*, по аналогии с которой в постсоветский период возникла *семибанкирщина*.)

В XIX в. такие слова были единичны. Когда это бывали антропонимы, они образовывались от имен и реальных лиц, и литературных персонажей, преимущественно не самых положительных – *николаевщина* (по отношению к Николаю I), *аракчеевщина*, *чаадаевщина*, *толстовщина*, *хлестаковщина*, *маниловщина*, *чичиковщина*, *обломовщина*, *шигалеvщина* и др. Эти слова имели негативные коннотации. П.Я. Чаадаев и Л.Н. Толстой к отрицательным личностям, конечно, не относятся, но их имена

употребляли в порицающем смысле лица с консервативными и просто реакционными взглядами.

В конце XIX в. и в начале XX модель с элементом *-щин(a)* резко активизируется. Многие из таких слов не образованы от имен собственных: *обыденщина, военищина, нелегальщина, кружковщина, эсеровщина, декадентщина, интеллигентщина* и мн. др. Такая лексика подробно охарактеризована в монографии «Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века» [12, с. 193-196].

Но абсолютное большинство слов этой модели составляли антропонимы: *катковщина, победоносцевщина, дегаевщина, гапоновщина, зубатовщина, азефовщина, керенищина, корниловщина, нечаевщина, николаевщина, распутинщина, мейерхольдовщина, есенинщина, мерешковщина, метерлинковщина, пишибышевщина, сологузовщина, станиславщина, стриндбергщина, смердяковщина, триродовщина, шигалевщина* и мн. др. [12, с. 192].

А. Мазон называет слова, появившиеся в период революций 1917 г и гражданской войны: *керенищина, корниловщина, алексеевщина, эсеровщина, белоэсеровщина, либердановщина* (от двух фамилий – *Либер* и *Дан*, меньшевистских лидеров), *дутовщина, белогвардейщина, краснощина, скоропадщина, петлюровщина, шейдемановщина, махновщина* [13]. Многие из них ушли в прошлое, но сохранили свою актуальность, например, в исторической литературе.

В 1920-1930-е гг. появились новые лексемы – от названий организаций: *пролеткультовщина, рапповщина, лефовщина* (особенностью таких словечек было сочетание суффикса *-щин-* с аббревиацией) – и от имен собственных. Не возникли, но сильно актуализировались словечки *достоевщина, тостовщина*, употреблявшиеся еще до Октябрьской революции (особенно второе), но появились и новые: *пильняковщина, есенинщина* и др. [17]. Интересно, что избыток негатива в яростной публицистической борьбе выражалось стилистически: в общем контексте употреблялись словечки с суффиксом *-щин-* самого разного характера – и антропонимы, и не антропонимы. Агрессию порождало едва ли не всё. Приведем один пример: «Незадолго до своего роспуска РАПП с гордостью констатировала, что “успешно боролась против троцкизма, вороницыны, переверзевщины, меньшевистствующего идеализма, деборинщины, лефовщины, литфронтовщины...” (“На литературном посту”, 1931, № 35-36, с. 2)» [17] (*курсив наш* – А.Ф.).

В период «оттепели» возникли (или актуализовались) новые слова – и от имен одиозных деятелей сталинского периода (*сталинщина, ежовщина, бериевщина, ждановщина*) [15], и от не менее одиозных литературных персонажей (*борзовщина, грацианщина*).

В период «застоя» таких слов почти не было. Официозная пропаганда пыталась внушить людям, что наступила эпоха благоденствия, когда стабильности развитого социализма ничто не угрожает, и образов, олицетворяющих типичные отрицательные явления, искусство не создаёт. Мы помним словечко *кафтановщина* в послесловии ко второму тому романа А. Иванова «Вечный зов» в «Роман-газете». Книга и телесериал по ней были в высшей степени популярны, но слово не прижилось – видимо, из-за своей анахроничности. Хотя в этой эпоху множество «теней прошлого», пролезших в советскую действительность, но чудовищный Михаил Кафтанов был все-таки убит в гражданскую. (Автор этих строк в 10 классе в сочинении по «Вражде» того же А. Иванова употребил термин *пильгинщина*, однако никто, кроме него, этого слова не использовал.)

Несколько лучшие шансы обогатить русский язык были у В. Липатова: и он сам был популярен, и его роман «И это всё о нём» в 1970-е был бестселлером. Его если не изучали, то обзорно упоминали в школе, и Женька Столетов пропагандировался как «герой нашего времени» в хорошем смысле. И, главное, обличаемая в романе *гасиловщина* (воинствующая обывательщина, а в самом главном смысле – перерождение советской власти) была социально опасным явлением.

Вот весьма лапидарный очерк, раскрывающий ее содержание. «– Гасиловщина пробирается в щелочку нашей безалаберщины, ухарства, широты характера и, конечно, пьянства!... – Прохоров сделал паузу и объяснил: – Термин “гасиловщина” изобретен Евгением Столетовым... – И опять к Сухову: – Есть и еще одна щелочка, в которую проникает гасиловщина, товарищ Сухов. Нельзя любить завтрашнего человека, не любя сегодняшнего! – Прохоров опять помолчал. – Прошу простить меня за напыщенное философствование, но ведь именно вы, товарищ Сухов, помогли утвердиться Гасилову в его доморощенной теории посредственности... А как же! Посредственность считает всех других тоже посредственностями и знает о гении только то, что он имел три жены или пил горькую...»

Зато начиная с так называемой «перестройки» идет ренессанс экспрессивных антропонимов. «В современных СМИ нередко встречаются неологизмы, образованные от имен собственных. Такие новообразования создаются по разным моделям и, как правило, несут в себе отрицательную оценку. В

данном случае негативная оценка относится не только к называемому явлению (т. е. самому объекту оценки), но и непосредственно к лицу, имя которого послужило мотивирующим, поэтому подобные номинации могут служить средством речевой агрессии, компрометации» [14].

Й. Сипко отмечает: «Определенная тенденция в оценке видных советских деятелей усматривается в почти полном отсутствии таких единиц, как ленинщина и хрущёвщина. Постепенно критика советского прошлого, в том числе с использованием тех же приемов выражения оценки, претерпела хронологический сдвиг – ее объектами стали политические руководители последних лет существования СССР и периода после его распада/развала: горбачёвщина, ельцинщина, путинщина» [15].

Н.С. Валгина пишет о лексике 1980-х гг. и более поздней, перечисляя и некоторые наиболее типичные слова: «Используются для всякого рода оценок имеющиеся модели, которые закрепляют специфические значения за определенными суффиксами, но при этом расширяется лексический материал, способный принимать эти суффиксы и их сочетания. Например, суффиксы отрицательной оценки -щин-а, -ух-а (по образцу “деревенщина”, “голодуха”) распространены в наименованиях общественно-политических течений, явлений социального плана, морально-этического и др.: *сталинщина, чурбановщина, брежневщина, митинговщина, беспредельщина, преобразовщина, аномальщина, дедовщина, чрезвычайщина, кампанейщина, спидовщина, литературщина (...)*» [2]. Не все эти слова относятся к данному периоду (например, *чрезвычайщина* была известна в 1920-е гг., а в период «перестройки» актуализовалась; то же произошло со *сталинщиной* – слово было уже в 1950-е гг., после XX съезда КПСС, например, встречается в дневнике К. Чуковского).

Лексика, не связанная с антропонимами, расширяет сферы своего употребления. Появились, например, слова, связанные с премиями: *оскаровщина* или даже *безнобелевщина* [11]. В первом случае плохо то, что премии присуждаются (кому-то, не нашим соотечественникам), во втором – что не присуждаются.

Антропонимы тоже выходят за рамки наиболее характерных для них сфер – политики и культуры, – например, в область спорта: *зидановщина, акинфеевщина, черчесовщина, смоловщина* [6].

Препятствием для их образования могут быть только неудобопроизносимость и т. п. сугубо лингвистические причины. Но и в таких случаях дериваты иногда создаются, например: *Яровая – яровойщина, Мединский – медицинина*.

Употребление антропонимов в эту эпоху имеет ряд особенностей. Во-первых, у них нередко бывают дублеты с другими суффиксами. Иногда слова с этими суффиксами обладают откровенно негативной коннотацией, хотя сам суффиксы его не имеют – например, -изм: *ельцинщина* и *ельцинизм, зюгановщина* и *зюганизм, гайдаровщина* и *гайдаризм* [3].

«В региональных нижегородских СМИ особую группу составляют существительные с суффиксами -изм и -изаци(я), называющие актуальные социальные явления и общественно-политические течения, нередко с негативной оценкой: Огромной оказалась плата за “гармонию” *брежневизма* (“Агентство политических новостей – Нижний Новгород” . 02.03.09); Дело не столько в Дмитрие Каргине, в его стремлении идти в депутаты, в “*каргинизме*”, как идейном течении, сколько в свистопляске, шумихе, даже общественном психозе вокруг этой, мягко говоря, противоречивой и даже сомнительной фигуры (“Заноза”. 29.05.15) (...) *Оценочность в подобных новообразованиях связана не столько с суффиксом, сколько с контекстом и с отношением автора к тому, кто (что) назван(о) мотивирующим словом*» [10] (*курсив наш.* – А.Ф.); *брежневизация* – например, в 2011 г.: «Многие говорят о *брежневизации* Путина» (<http://upmonitor.ru/editorial/tape/2011-10-05/>) (это выражение в самом деле устойчиво). Некоторое время в начале 2010-х гг. под влиянием мема «*пехтинг*» появилась модель с экзотическим для русского языка формантом -инг: *мизулинг* (в поисковике Google на момент обращения 23.10.2021 – 1590 ссылок), *малкинг, астахинг* (теперь они уже, наверное, забылись), огромное количество слов с формантом -гейт (скандал): *скуратовгейт, сердюковгейт* (<https://lgz.ru/article/-28-6422-10-07-2013/serdyukovgeyt/>), *песковгейт* (на Google в данный момент 107 ссылок) и мн. др. Ради эксперимента мы набрали в поисковике *мизулинггейт* – нашли и такие результаты! Есть также немало антропонимов с формантами -*фоби(я)* и -*мани(я)* и производных.

Во-вторых, отметим образование от имен не только дублетов, но и других лексем, по другим моделям, в том числе каламбурных: *чуродейство* – помимо *чуровщины* (Я. Рачинский. О чуродействе и фальшебстве – режим доступа: https://m.polit.ru/article/2011/12/23/raczynski_vybory/). Вообще-то у слова *чуродейство* есть своё значение детской игры, не имеющее отношения к выборам и В. Чурову. Так что *чуродейство* в новом значении образовано путем семантической деривации.

В новом контексте: «Зюганов: избирательные кампании превратились в “чуродейство”» (<https://ria.ru/20130212/922466309.html>), т. е. это название стало нарицательным.

Третья особенность – употребление в общем контексте ряда отрицательных слов, в том числе неродственных: «*горбачевщина* и *балалайщина*» (от имени пустозвона адвоката Балалайкина у М. Салтыкова-Щедрина) (В. Личутин. Бунин и мы // День литературы. № 08(120) – 26-08-2006).

Всё это создаёт общий ореол негатива.

Кроме всего прочего, появились новейшие лексемы: *яценюковщина* («порабивший Украину вирус лжи и беспомощности»), *трамповщина*, *кудринщина*, *бузовщина* (до скандала с МХАТом) [4].

Из новейших политических антропонимов – упомянутая *кудринщина* («Кудринщина является (и не только в пенсионном вопросе) ярко выраженной стратегией антиразвития, узаконенного социального регресса. И докуда этот регресс протянется – не знает никто [“МирТесен”. 04.11.18]») [7], *шуваловщина* *улюкаевщина*, *памфиловщина* [8], *путинщина* [9] Есть дериваты и от имен иностранных политиков: *трамповщина*, *порошенковщина* [7], *блэрловщина* [8], *мадуровщина* [9].

Происходит экспансия данной словообразовательной модели – не только тематическая (в новые сферы функционирования), но и территориальная.

«Слова подобного типа имеют два значения: 1) период власти того или иного лица, характеризующийся определенными признаками (*шамановщина*, *морозовщина*); 2) совокупность действий и понятий, связанных с тем или иным лицом (*давыдовщина*, *аладинщина*, *кругликовщина*). Впрочем, семантика части слов двойная, включает оба компонента. Так, *пинковщиной* можно назвать и период управления г. Ульяновском А.П. Пинковым, и совокупность действий и понятий, связанных с именем данного человека (по мнению части ульяновцев, действия этого главы города были конъюнктурными и непрофессиональными, не достаточно продуманными)» [16].

Есть и другие подобные примеры: «А ведь сейчас чувствуется, что “шанцевщина” исчерпала себя полностью (Зеркало. 15.04.15); Имея специфический опыт работы в Москве (“лужковско-батурицкий амфир”), Шанцев, как талантливый копировальщик, решил продублировать “лужковщину” в Нижегородской области (Зеркало. 15.04.15); Это некая лужковщина в Нижнем получается? (ПолитКухня. 20.10.14)» [5].

Теперь, завершая статью, сравним старые и новые антропонимы.

1) Словообразовательная модель с формантом *-щин(а)* актуализовалась в период социальных потрясений так же, как в предыдущую эпоху – конца XIX – начала XX вв. Однако между этими временами существует принципиальная разница. Сто лет назад Россия находилась в восходящем потоке истории, ее развитие было прогрессивным, сейчас она переживает регресс (некоторые политологи – ограничимся упоминанием В. Шляпентоха – считают, что это даже не реставрация капитализма, а неофеодализм). Это отражается и в новообразованной лексике.

2) В течение обоих периодов она передавала разнообразные отрицательные коннотации, в сумме выражая критическое отношение к реальности или даже ее неприятие. Но в период 1980–2010-х гг. такая лексика носит стихийный, можно сказать, случайный характер. Ее слишком много, ее создают по любому поводу.

Пользуясь выражением советской эпохи, в период рубежа XIX–XX вв. люди отличались «политической грамотностью», правда, интуитивной. Они выбирали в самом деле важные социальные явления (бедствия, язвы) – и обозначали их и через прямое наименование (например, *декадентщина*), и через представляющих эти явления знаковых личностей (*мережковщина*, *сологубовщина*, *есенинщина*, *метерлинковщина*, *станиславщина*, *мейерхольдовщина* и проч.; не будем говорить, насколько такие слова и оценки справедливы по отношению к Есенину, Станиславскому и др., – так их воспринимала значительная часть говорящих). Или: наименование явления – *эсеровщина*; репрезентативный антропоним – *азефовщина*; с *азефовщиной* по признаку «индивидуальный терроризм» связано слово *нечаевщина* (С. Нечаев не был эсером), а по признаку «политическое провокаторство» – *гапоновщина*, в свою очередь, связанная с *зубатовщиной* через сему «полицейский социализм» (С. Зубатов не был ни эсером, ни террористом, ни провокатором). Таким образом создается единый смысловой ореол одиозных персон и, главное, социальных явлений, живо интересовавших людей той эпохи, остроактуальных для общества.

В период современности есть немало слов с социально значимой семантикой (*брежневщина*, *горбачевщина*, *рашидовщина* и *адыловщина*, *ельцинщина*, *чубайсовщина*, *жириновщина* и нек. др.), но есть огромное количество слов, произведенных от имен малоизвестных и/или незначительных, давно

забытых лиц. Сейчас уже мало кто уверенно объяснит, что такое *зурабовщина*, *ливановщина*, которая, по мнению некоторых, была «страшнее *сердюковщины*» (!) – <https://maxpark.com/community/5652/content/3725331>; заодно не все уверенно скажут, что такое *сердюковщина*.

3) Как выражение той же тенденции проявляется семантическая деривация, т. е. возникновение у слова нового значения. Так, *собчаковщина* сейчас относится уже не к А. Собчаку, а к К. Собчак (см. заглавие заметки: «Гламурная *собчаковщина*» (Сов. Россия. № 70, вторник, 20 июня 2006 г.). Для сравнения: совершенно противоположный смысл выражает другая ресемантизация, когда старое слово приобретает обобщающее значение и переносится на других лиц. Например: «Новая *гапоновщина?*» – заглавие статьи А. Русакова (Своими именами. Запрос 06.04.2011. (<http://svoim.info/index.shtml>) – аналогия между «Открытым письмом Г. Зюганова Д. Медведеву», опубликованное на официальном сайте КПРФ и петицией Гапона. Это признак того, что слово прочно вошло в язык.

4) Поэтому в неологической системе старые и современные новообразования занимают несколько различные позиции. Многие из старых слов вошли в общее употребление и стали общеязыковыми. Многие современные новообразования возникают и вскоре забываются, что подчеркивает их статус потенциализмов. Впрочем, для историков они могут быть архаизмами.

5) В отличие от старой лексики, в новой очень мало антропонимов с семантикой мира культуры: *маркзахаровщина*, *михалковщина*, *сокуровщина*, *тарковщина* (относится не только к Тарковскому, но его эпигонам), значительно меньше антропонимов, связанных с писателями, – *пелевинщина*, *сорокинщина*, *глуховщина* и др. И практически совершенно отсутствуют антропонимы от фамилий литературных персонажей. В предыдущий период таких слов было множество: *цигалевищина*, *карамазовщина*, *смердяковщина*, *передоновщина*, *триродовщина*, *самгинщина*, *борзовщина*, *грацианищина*... – некоторые из них вошли в словари, особенно еще более ранние: *хлестаковщина*, *маноловщина*, *обломовщина*. Видимо, в современной литературе нет персонажей, которые могли бы стать знаковыми личностями, хотя бы отрицательными. Словечко *хазинщина* мы в Интернете встречали, но по отношению к М. Хазину (который автору этих строк не известен), а не в значении «полицейский произвол» – по роману Д. Глуховского «Текст». Не обнаружили мы и словечка *горюновщина*, отсылающее к тому же бестселлеру. Не нашли и лексемы *служкинщина* – в честь Виктора Служкина, который «глобус пропил». *Ёлтышевищины* тоже не нашлось. Это позволяет предположить, что современная литература потеряла то ли способность к социальной диагностике, к большим обобщениям, то ли влияние на читательские массы. Напротив, люди XIX–XX вв. литературу знали хорошо, она была властительницей дум.

Впрочем, то же относится и к кинематографу, переставшему быть «важнейшим из искусств». Мы подумали, что, пожалуй, единственной постсоветской народной комедией могли бы считаться «Ширли-мырли» В. Меньшова (у «национальных особенностей» своя аудитория) и что там изображено вполне типическое явление – феноменальная безответственность при клиническом легкомыслии. Это можно было бы назвать *кроликовщиной*, но никаких следов *кроликовщины* мы также не обнаружили.

Правда, и в советские времена кинематограф не породил знаковых антропонимов, хотя создавал безусловные мемы. Вполне могли появиться *огурцовщина*, *семицветовщина*, *сааховащина*... Исключением может служить вполне устойчивое слово *шариковщина*, мы полагаем, благодаря фильму В. Бортко, а не повести М. Булгакова.

Итак, наше впечатление таково. Что касается антропонимов, образованных от настоящих имен, то их состав практически безграничен. На наш взгляд, этим подрывается одно из главных свойств антропонимов данной модели – обозначение типичного, широко распространенного явления, связанного со знаковой личностью, чье имя как бы становится нарицательным. Особенно это проявляется при территориальной экспансии модели, т. е. ее распространении на малоизвестных региональных деятелей. Вряд ли они могут олицетворять некие глобальные явления. Когда модель относится практически к любой фамилии, т. е. типичными и исключительными персонажами становятся все, утрачивается самый смысл этой модели. Но появляется другой: создается впечатление тотального отторжения современной действительности. Можно сказать так: раздражение вызывают всё и все.

В предыдущий период неологические антропонимы соответствовали универсальным, социально значимым и четко персонифицированным негативным явлениям, а сверхзадачей здесь может быть анализ пороков действительности, борьба с ними. Сейчас изобилие такой лексики может выражать социальную апатию, тотальное отвращение. Нельзя сказать, что это касается всех материалов СМИ,

где такая лексика употребляется. Многие из этих материалов являются аналитическими или критическими, выражают попытки разобраться в действительности, но часто служат передаче реакции раздражения. Это особенно очевидно на фоне изобилия столь же экспрессивных антропонимов с другими формантами.

Современная семантическая деривация дополнительно размывает связь слова с негативным явлением: не принципиально, какое явление стоит за словом. Важнее выразить эмоцию, нежели смысл.

Еще одно важное отличие современных антропонимов состоит в почти полном отсутствии слов, образованных от имен литературных героев, – в сравнении с многочисленными неологизмами предыдущего периода. Это может говорить о том, что в XIX-XX вв. литература играла важную роль в обществе, в том числе диагностирующую, а теперь ее практически утратила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буйда Ю. Щина // Знамя. 2000. №6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/shhina.html>.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>
3. Жданова Е.А. Словообразовательные неологизмы с негативной оценкой // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-s-negativnoy-otsenкой/viewer>.
4. Замальдинов В.Е. Антропонимы как источник новообразований в языке СМИ и Интернет-коммуникации // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimy-kak-istochnik-novoobrazovaniy-v-yazyke-smi-i-internet-kommunikatsii/viewer>
5. Замальдинов В.Е. Ключевые элементы в современном медийном словотворчестве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. № 1. С. 199-204 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-elementy-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve/viewer>.
6. Замальдинов В.Е. Новообразования как источник пополнения спортивного антропонимикона // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoobrazovaniya-kak-istochnik-popolneniya-sportivnogo-antroponimikona/viewer>
7. Замальдинов В.Е. Образ политика – мишень информационно-психологической войны в медиакартине мира // Вестник Курганского государственного университета. 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-politika-mishen-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-v-mediakartine-mira/viewer>.
8. Замальдинов В.Е. Роль новообразований в моделировании имиджа политика в современных российских СМИ // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-novoobrazovaniy-v-modelirovanii-imidzha-politika-v-sovremennyh-rossiyskih-smi/viewer>.
9. Замальдинов В.Е. Словообразовательные неологизмы в языке СМИ и интернет-коммуникации: эколингвистический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-v-yazyke-smi-i-internet-kommunikatsii-ekolingvisticheskiy-aspekt/viewer>.
10. Замальдинов В.Е., Рацибурская Л.В. Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-novoobrazovaniy-s-ekspressivno-otsenochnoy-semantikoy-v-regionalnoy-nizhegorodskoy-presse/viewer>.
11. Кораева И.Э. Специфика статусно-ролевой конфронтации в осетинской лингвокультуре // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-statusno-rolevoy-konfrontatsii-v-osetinskoy-lingvokulture/viewer>.
12. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1981. 359 с.
13. Мазон А. Лексика войны и революции в России (1914-1918). Именная и глагольная деривация. Словосложение. Пер. с фр. К.Л. Филатовой, Д.В. Спиридонова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksika-voyny-i-revoljutsii-v-rossii-1914-1918-imennaya-i-glagolnaya-derivatsiya-slovoslozhenie/viewer>.
14. Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Словообразовательные неологизмы с негативной оценочностью в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-s-negativnoy-otsenochnostyu-v-tekstah-smi/viewer>.

15. Сипко Й. СССР – только репрессии, деформации, застои? // Политическая лингвистика. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sssr-tolko-repressii-deformatsii-zastyoy/viewer>.
16. Советкин С.В. Использование имен собственных со значением лица как актуальная сфера современного словопроизводства (на примере прессы г. Ульяновска) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-imen-sobstvennyh-so-znacheniem-litsa-kak-aktualnaya-sfera-sovremennogo-slovoproizvodstva-na-primere-pressy-g-ulyanovska/viewer>.
17. Яковлева Ю.В. Неологизмы и окказионализмы в газетно-журнальной полемике 1920 – начала 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-okkazionalizmy-v-gazetno-zhurnalnoy-polemike-1920-nachala-1930-h-gg/viewer>.

Поступила в редакцию 25.10.2021

Флоря Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета
462404, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Мира, 15а
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru

A.V. Florya

MODERN NEOLOGISMS WITH THE SUFFIX -SCHIN-

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-466-473

The subject of this article is potential words formed in current time with the use of the suffix -schin-. It is well known that it has a negative connotation and is mainly associated with socio-political contexts. This model became more active after the Soviet epoch. The features of such words in the modern period are as follows: they retain a typical and generalizing character, but it is weakened due to their excessive prevalence; such words turn into stereotypes; they express mass irritation of citizens rather than genuine interest in social problems.

Keywords: derivation, potentialism, suffix -schin-, expressiveness, anthroponym, connotation.

REFERENCES

1. Buyda Yu. [Buida Yu.] Shchina [Shchina] // Znamya. 2000. № 6 [Banner. 2000. No. 6]. [Electronic resource]. Access mode: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/shhina.html>. (In Russian).
2. Valgina N.S. Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoye posobiye. [Active processes in modern Russian language: textbook.] [Electronic resource]. Access mode: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/> (In Russian).
3. Zhdanova Ye.A. Slovoobrazovatel'nyye neologizmy s negativnoy otsenkoy [Word-formation neologisms with a negative assessment] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2013]. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-s-negativnoy-otsenkoy/viewer>. (In Russian).
4. Zamal'dinov V.Ye. Antroponimy kak istochnik novoobrazovaniy v yazyke SMI i Internet-kommunikatsii [Anthroponyms as a source of neologisms in the language of mass media and Internet communication] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya". 2019 [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology". 2019.] [Electronic resource]. [Access mode:] <https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimy-kak-istochnik-novoobrazovaniy-v-yazyke-smi-i-internet-kommunikatsii/viewer>. (In Russian).
5. Zamal'dinov V.Ye. Klyuchevyye elementy v sovremennom mediynom slovotvorchestve [Key elements in modern media word creation] // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky, 2017. No. 1. P. 199-204] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2017. № 1. S. 199-204. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-elementy-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve/viewer>. (In Russian).
6. Zamal'dinov V.Ye. Novoobrazovaniya kak istochnik popolneniya sportivnogo antroponimikona [Neologisms as a source of replenishment of the sports anthroponymicon] // Znak: problemnoye pole mediobrazovaniya. 2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoobrazovaniya-kak-istochnik-popolneniya-sportivnogo-antroponimikona/viewer>. (In Russian).
7. Zamal'dinov V.Ye. Obraz politika – mishen' informatsionno-psikhologicheskoy voyny v mediakartine mira [The image of a politician is the target of information and psychological warfare in the media picture of the world] //

- Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. [Bulletin of the Kurgan State University. 2020.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-politika-mishen-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-v-mediakartine-mira/viewer>. (In Russian).
8. Zamal'dinov V.Ye. Rol' novoobrazovaniy v modelirovaniy imidzha politika v sovremennykh rossiyskikh SMI [The role of neologism in modeling the image of a politician in modern Russian media] // Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal. 2017. [Science. Thought: electronic periodical journal. 2017.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-novoobrazovaniy-v-modelirovaniy-imidzha-politika-v-sovremennyh-rossiyskikh-smi/viewer>. (In Russian).
 9. Zamal'dinov V.Ye. Slovoobrazovatel'nyye neologizmy v yazyke SMI i internet-kommunikatsii: ekolingvisticheskiy aspekt [Word-formation neologisms in the language of the media and Internet communication: the ecolinguistic aspect] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. [Ecology of language and communicative practice. 2019.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-v-yazyke-smi-i-internet-kommunikatsii-ekolingvisticheskiy-aspekt/viewer>. (In Russian).
 10. Zamal'dinov V.Ye., Ratsiburskaya L.V. Osobennosti novoobrazovaniy s ekspressivno-otsenochnoy semantikoy v regional'noy nizhegorodskoy presse [Features of neologisms with expressive-evaluative semantics in the regional Nizhny Novgorod press] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2017. [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2017.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-novoobrazovaniy-s-ekspressivno-otsenochnoy-semantikoy-v-regionalnoy-nizhegorodskoy-presse/viewer>. (In Russian).
 11. Korayeva I.E. Spetsifika statusno-rol'voy konfrontatsii v osetinskoj lingvokul'ture [Specificity of status-role confrontation in the Ossetian linguoculture] // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2012. [Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2012.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-statusno-rol'voy-konfrontatsii-v-osetinskoj-lingvokul'ture/viewer>. (In Russian).
 12. Leksika russkogo literaturnogo yazyka XIX – nachala XX veka / otv. red. F.P. Filin. [Lexicon of the Russian literary language of the XIX – early XX century / ed. by F.P. Filin.] M.: Nauka, 1981. 359 s. [359 p.] (In Russian).
 13. Mazon A. [Mazon A.] Leksika voyny i revolyutsii v Rossii (1914-1918). Imennaya i glagol'naya derivatsiya. Slovoslozheniye. Per. s fr. K.L. Filatovoy, D.V. Spiridonova [Vocabulary of war and revolution in Russia (1914-1918). Nominal and verb derivation. Composition. Per. with fr. K.L. Filatova, D.V. Spiridonov] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskaya-obuslovlennost-ekspressivnosti-okkazyionalnogo-slova/viewer>. (In Russian).
 14. Ratsiburskaya L.V., Toropkina V.A. Slovoobrazovatel'nyye neologizmy s negativnoy otsenochnost'yu v tekstakh SMI [Word-formation neologisms with negative evaluativeness in media texts] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2013.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-s-negativnoy-otsenochnostyu-v-tekstah-smi/viewer>. (In Russian).
 15. Sipko Y. SSSR – tol'ko repressii, deformatsii, zastoy? [USSR – only repression, deformation, stagnation?] // Politicheskaya lingvistika. 2019. [Political linguistics. 2019.] [Elektronnyy resurs]. [Electronic resource]. Rezhim dostupa: Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sssr-tolko-repressii-deformatsii-zastoy/viewer>. (In Russian).
 16. Sovetkin S.V. Ispol'zovaniye imen sobstvennykh so znacheniyem litsa kak aktual'naya sfera sovremennogo slovoпроизводства (na primere pressy g. Ul'yanovska) [The use of proper names with the meaning of a person as an actual sphere of modern word production (on the example of the press of Ulyanovsk)] // Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya. 2012. [Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition. 2012.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-imen-sobstvennykh-so-znacheniyem-litsa-kak-aktualnaya-sfera-sovremennogo-slovoпроизводства-na-primere-pessy-g-ulyanovska/viewer>. (In Russian).
 17. Yakovleva Yu.V. Neologizmy i okkazyionalizmy v gazetno-zhurnal'noy polemike 1920 – nachala 1930-kh gg. [Neologisms and Occasionalisms in the Newspaper and Magazine Polemics of the 1920s – early 1930s.] // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2017. [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Culturology. 2017.] [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-okkazyionalizmy-v-gazetno-zhurnalnoy-polemike-1920-nachala-1930-h-gg/viewer>. (In Russian).

Received 25.10.2021

Florya A.V., Doctor of Philology, Professor
Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University
Mira st., 15a, Orsk, Orenburg region, Russia, 462404
E-mail: rytmory@ogti.orsk.ru